

ножникъ; вымышлятель хитростей умный; рыдательный плачь; Троянцы ужасно завѣпили сзади), произвольно составленные новообразованія (празднородные псы вм. быстрые — *αργοί*; человекъ прекрасный; мески стадаются; вседушно вм. всею душою; хитрошвенный ремень; дерзосердый; душеснѣдная смерть; безпояснодоспѣшныя воины; неистомное солнце; кистистый эгидъ), а въ особенности обороты двусмысленныя, выражающіе теперь не то, что хотѣлъ сказать авторъ (напыщенныя вм. надменные *ὑπερφιάλοι*; вліяя вм. вливая; изойти вм. настигнуть; нижнее чрево вм. нижняя часть чрева; превыспренній холмъ; пронзительная мѣдь; твердь вм. твердыня; разрывчатый лукъ; пресмыкавшіяся гривы; разливать бразды по праху). На подобныя выраженія натыкаешься, какъ на ухабы, и, читая Гнѣдича, приходится дѣлать надъ собою нѣкоторое усиліе, побѣждать постоянное внутреннее сопротивленіе, не глядѣть на извѣстныя точки, чтобы быть въ состояніи наслаждаться тѣмъ прекраснымъ и возвышеннымъ, что дѣйствительно заключается въ его переводѣ. Благодаря произволу въ употребленіи словъ, даже удачныя и плавныя стихи Гнѣдича не могутъ быть иногда приняты безъ поправокъ. Такъ, въ знаменитомъ стихѣ: «будетъ нѣкогда день, и погибнетъ священная Трая» слово «нѣкогда» произвольно примѣнено къ событію будущаго времени. Говорятъ: я видѣлъ васъ нѣкогда, но странно звучала-бы фраза: я нѣкогда увижу васъ *). Равнымъ образомъ, въ стихѣ «рѣчи изъ устъ его вѣщихъ сладчайшія меда лилися» эпитетъ «вѣщихъ», котораго кстати нѣтъ у Гомера, произвольно примѣненъ къ Нестору, не бывшему ни жрецомъ, ни провидцемъ, а искуснымъ собесѣдникомъ и ораторомъ въ народныхъ собраніяхъ. Если принять во вниманіе, что *Иліада* у насъ, какъ впрочемъ вездѣ, читается всего чаще въ юно-

*) Я перевелъ этотъ стихъ слѣдующимъ образомъ: «Будетъ когда-либо день, и погибнетъ священная Троя». Считаю нужнымъ сказать, что при переводѣ *Иліады* я совершенно не руководствовался Гнѣдичемъ и никогда во время работы съ нимъ не справлялся. Если же нѣкоторыя выраженія оказались въ обоихъ переводахъ одинаковыми, то это объясняется тѣмъ, что иные греческіе обороты могутъ быть переданы по русски только извѣстнымъ образомъ. Уже въ первомъ прозаическомъ переводѣ *Иліады*, Петра Екимова, вышедшемъ въ 1776 г., многія мѣста переданы такъ, что почти безъ измѣненія вошли во всѣ послѣдовавшіе переводы. Такъ, этотъ же стихъ у Екимова переведенъ: «Будетъ день, въ который погибнетъ священная Троя». У Екимова: «отомсти Данаямъ мои слезы твоими стрѣлами»; у Гнѣдича: «слезы мои отомсти Аргивянамъ стрѣлами твоими». У Екимова: «о, царь народа пожиратель»; у Гнѣдича: «о, царь пожиратель народа», и т. д. Такихъ совпаденій можно указать сколько угодно.